

ПИСЬМО В. ЛОССКОГО Н. А. БЕРДЯЕВУ*

Глубокоуважаемый Николай Александрович, на Ваше письмо мне трудно отвечать, так как расхождение наше слишком глубокое. Однако я вполне понимаю Вашу установку, Вы же, считая себя защитником свободы мысли, наших высказываний не хотите ни понять, ни допустить как возможных. Отрицая начало власти, Вы властью редактора «Пути» отказываетесь поместить на его страницах разъяснение людей, мыслящих иначе, чем Вы. Признавая начало власти, мы не настаиваем. Однако не могу не ответить по пунктам на Ваши обвинения.

1. Если стать на точку зрения, то, конечно, выражение своего критического мнения лицу, облегчённому властью, есть донос. Отсюда следует, что, отвечая на запрос Иерарха, мы должны были бы – чтобы не стать «доносчиками» – уклониться от всякого ответа, т. е. признать, что вопросами учения в Церкви могут заниматься все, кроме Иерархов церкви.

2. Вы говорите, что «харизмы»¹ власти вообще не существует. Не знаю, на чём Вы основываете это столь решительное утверждение. Апостол Павел, несомненно обладавший даром «различения духов», держится иного мнения. Перечисляя харизмы, он упоминает и «управления» (I Кор. 12, 28), обращаясь же к наделённым Дарами благодати в Церкви, назидает и «начальствующих», которые должны начальствовать «с усердием» (Рим. 12, 6 – 8). Я мог бы привести ещё множество свидетельств, но боюсь, что Вы упрекнёте меня в текстопоклонстве и слепом подчинении авторитету, хотя бы и Священного Писания.

Власть как начало порядка, несомненно, есть благо. Недаром и Устроитель мирового порядка называется Господом, откуда именуется всякое господство на небесах и на земле. Она становится насилием только вследствие человеческого несовершенства и греха, черты же «греха властвования» приобретает, только если низшее господствует над высшим, например, когда государство подчиняет себе Церковь или иерархии Церкви, забывая о превосходстве своей духовной власти, обращаются к светским насильственным мерам господствования («дымное надмение светской власти», по канонам). Порядок в церковной жизни, осуществляемый носителями «харизмы власти», иерархией, распространяется на все свободные проявления Духа – даже на пророчествования (I Кор., 14), для которых апостол учреждает особые правила. И здесь нет «угашения Духа», поскольку сама власть в Церкви также является харизмой, от того же Духа святого, которым, строясь из различных дарований и служений, «всё здание, слагаясь стройно», возрастает в светлый храм в Господни» (Еф. 2, 21).

Вне этого богоустановленного порядка никогда не проявлялись действия Святого Духа – если не считать Его проявлениями беспорядочную духовную жизнь некоторых мистических сект средневековых «братьев свободного духа» или наших хлыстов².

3. Отрицать свободу человеческой мысли или утверждать, что она должна протекать «через административные указы», я думаю, не приходило в голову и Аракчееву; тем менее – сознательным членам Церкви. Но защита свободы мысли в Церкви не может принимать формы защиты свободы моей мысли от Истины, данной в полноте Церкви Духом Святым.

Моё богословствование свободно, но, чтобы вполне явилась в нём Истина, я должен свободно покориться Истине, свободно признать себя несвободным от греха, тварной ограниченности, самостной замкнутости, испорченности ума. Только перестраивая всё своё существо. «совлекаясь себя», обновляя свой ум, мысля иными законами, ему не свойственными, постоянно превышая себя, можно достигнуть полноты благопостижения, к которой призваны все члены Церкви, ибо всем дан Дух Истины. Догматы Церкви имеют прежде всего апофатический характер, воспитывая ум к от решению от его обычных законов мышления, свидетельствуя о его ограниченности и несовершенстве. Это не значит, что догматы являются откуда-то извне, как *Deus ex machine*; это значит, что Дух Святой не

только усваивает Церкви Истину, но также и путик её совершенному, сознательному творческому постижению. Но диалектика этого постижения иная, чем во всяком другом творчестве. Начало её – послушание, т. е. признание, что Истина не зависит от моих творческих усилий, я ничего от себя к ней прибавить не могу;; путь – освобождение от своей ограниченности; достижение – тождество моего сознания и Истины, «ум Христов», т. е. совершенная свобода ума, творящего или налагающего догматы силою Святого Духа, которая становится нашей силой. Здесь отсутствует противоположность субъекта и объекта в постижении Истины: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными». В этом сокровенный «Ватиканский догмат» православия. Я беру на себя смелость утверждать, что Ваша «проphetическая философия» (не касаясь здесь содержания) может быть развиваема Вами именно потому, что Вы как сын Церкви внутренне ощущаете необходимость этой высочайшей свободы. Однако путь к этой свободе через свободное послушание Истине, через «совлечение своего», Вы отрицаете, а потому остаётесь субъектом перед лицом внешнего объекта (Истины) или же сам объект превращаете в продукт творчества субъекта. Отцы никогда не отстаивали *своего* творчества в Церкви, но с великим дерзновением защищали самоочевидную в Церкви Истину. Не держась «своего», они лично отказывались от своих ошибок, будучи максимально свободными, не защищали своей свободы. Защита своей свободы перед лицом высшей свободы в Церкви была бы защитой своей ограниченности, т.е. своего рабства. Самый вопрос о защите наших прав в Церкви – ложен, так как эти права неограниченны.

Противопоставлять себя Церкви, свою мысль – Истине значит утверждать своё право на заблуждение. Церковь не отнимает и этого права: без *возможности* заблуждения не было бы *свободного* послушания Истине, пути к высшей свободе сынов Церкви. Но она ограждает Истину, отделяя её от лжи? Осуждает учения, ограничивающие Истину, нарушающие её апофатический характер, являющиеся в этом смысле «соблазном», т. е. препятствием к отрешённому постижению Истины членами Церкви. К защите Истины призваны все в Церкви, но Истина – не внешний объект, сообразно которому каждый должен «урезывать» свою мысль, а лично данная каждому самоочевидность – не один общий, а множество отдельных языков пламени сошли в Пятидесятницу и почил на каждом. Потому каждый член Церкви может свидетельствовать об Истине, когда она искажается кем-либо из братьев. Потому же эта защита самоочевидной в Церкви Истины зависит не от количества («все» или «многие»), от «соборности» в ложном демократическом понимании этого слова, не от свободного согласия *хотя бы некоторых*, где свидетельством непогрешимости является единый в них Дух Божий, Источник самоочевидности Истины. *И во всех*. Отсюда неизбежность постепенного торжества Истины над ложным учением во всей Церкви.

Защита Истины и Церкви принадлежит всем, но обязанность этой защиты лежит *прежде всего* на епископах, харизматических охранителях порядка церковной жизни. Харизма не всегда достаточно культивируется, а потому отдельный епископ может ошибаться и в суждениях, и в действиях. Однако его права (вернее, обязанности) судить о делах учения и принимать те или иные меры к ограждению паствы никто не может отрицать, хотя всякий (и прежде всего тот, кого коснулось осуждение) может спорить, доказывая несправедливость осуждения, обращаясь, если надо, к суду всей Церкви. «Репрессия» (если Вы хотите называть это репрессией) состоит в том, что человеку предлагается свободно решить, по совести убедиться, защищает ли он только *свою* мысль и *свой* опыт или же Истину, опыт Церкви. Те, кто хочет защищать свою мысль, как только «свою» и не может от неё отказаться, справедливо несут отлучение. Церковь им не нужна, они предпочли Ей своё достояние (еретики). Те, кто имеет внутреннее самосвидетельство Истины и, возражая на осуждение, отстаивает свои высказывания как выражающие учение Церкви, борются за них, противостоя иерархам и соборам, в конце концов, неизбежно побеждают (Св. Максим Исповедник, Св. Фотий, Св. Григорий Палама³ и многие другие отцы). Те, кто, будучи обличаемы, не уверены в истинности своих высказываний по тем или иным пунктам, если

они подлинно внутренне свободны, легко признают свои ошибки и от них отказываются (Св. Дмитрий Ростовский, по вопросу о эпиклесисе)⁴.

Всё сказанное столь нормально и очевидно, что становятся совершенно непонятными волнения и возмущения по поводу осуждения учения о. С. Булгакова м. Сергием Московским. Могу объяснить это только массовым помрачением церковного сознания, утратой внутренней свободы, «мракобесием свободы».

4. Вы считаете, что Ваши взгляды могут быть признаны «еретическими» в большей степени, чем учение о. С. Булгакова, что Вы менее православные и церковные, чем он. В последнем Вы, может быть, правы. Но именно поэтому Церковь призывает к ответу о. С. Булгакова, ибо его богословие для Неё не безразлично и может пройти спокойно мимо Ваших хотя бы и самых крайних высказываний, которые останутся для Неё не более чем частным мнением. «Кому много дано, с того много и спросится».

5. Вас удивило, что в своем письме я высказал сочувствие Вам. Напомню, что это сочувствие и даже почитание было отнесено мною лишь к некоторым точно обозначенным мною сторонам Вашего творчества (обличение «церковной буржуазности», господства национализма в Церкви, отстаивание значения аристократического начала, непонимание К. Леонтьева). Выражая сочувствие этим взглядам, я хотел яснее показать Вам, что мы (вопреки Вашему убеждению) – не слепые «мракобесы», отвергающие огульно всё, что высказывают инакомыслящие, но обладаем свободным и непредвзятым умом. Иной смысл в моём выражении сочувствия Вам трудно найти, хотя Вы, кажется, нашли возможным использовать эти слова, а также и основную интенцию моего письма к Вам в крайне неблагоприятном для меня смысле. Предвзятость не даём места не только христианскому, но просто справедливому отношению к ближнему, тем более к противнику. Кто же после этого «еретик против любви»?

6. Вы пишете, что о. С. Булгаков очень больной человек и что на него может очень плохо подействовать, «если будет продолжаться травля (?) против него». Как же после этого «еретик против любви»?

Всё, что могу сказать в заключении: если уж говорить о «травле», то травля ведётся против нас, притом посредством самого уродливого вида «властвования», демагогии, инсинуации, клеветы и других орудий «общественного мнения». Пресса для нас закрыта. Мы не имеем возможности печатно высказать своих убеждений, а без этого условия всякая борьба против нас будет чистым насилием, позорным для тех, кто его употребляет. Если Вы отказываетесь напечатать наше «Разъяснение» в «Пути», чтобы тем не содействовать распространению осуждения о. С. Булгакова, то опубликуйте, по крайней мере, нашу переписку: Ваш ответ на «Разъяснение» и настоящее моё письмо, в котором вопрос об о. С. Булгакове по существу не затрагивается. Этого требует не только христианская совесть, но просто джентльменское отношение к противнику.

*Искренне уважающий Вас
Владимир Лосский, Б.Ф.,
23 ноября 1935 г.*

Е. Бер-Сижель

ПЕРВЫЙ ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД*

Елизавета (Элизабет) Бер-Сижель (р. 1907) – православный французский богослов, духовная дочь отца Льва Жилле¹ и его биограф, преподаватель православного Свято-Сергиевского института и ряда светских высших учебных заведений. Её публикуемый здесь краткий исторический очерк представляет несомненный интерес как потому, что открывает нам эпизод из жизни широко известных православных деятелей русского зарубежья, так и

потому, что описывает истоки зарождений новой поместной православной Церкви, развитие которой, если будет на то воля Божья, ещё только будет осуществляться на наших глазах, на глазах наших детей и внуков.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает изложение тех изначальных намерений и целей русских православных, волею Божьей оказавшихся в рассеянии, с которыми они участвовали в зарождающемся тогда экуменическом движении. Для них и речи не было об искусственном создании некоего «синтетического» обескровленного христианства, устроенного по принципу «лишь бы никто не обиделся», ныне применяемому достаточно широко и в светской, и в церковной политике, – и всегда с более чем бледным результатом. И ещё менее приемлемой была для них идея объединения христиан под юрисдикцией Рима, о чём говорит непростой опыт самого отца Льва Жилле. Кстати сказать, в тексте Е. Бер-Сижель можно найти лаконичное, но выразительное свидетельство римских устремлений в этом направлении; для нас особо значимо краткое упоминание о незадачливом отце Александре Дебнере, которого автор прямо называет предателем в силу его контактов с монсеньёром д'Эрбиньи, «ответственным за двусмысленную политику Ватикана в Советском Союзе»: последний персонаж фигурировал (действительно в весьма двусмысленном виде) в редакционном предисловии к нашей публикации «Письма и автобиография архиепископа Варфоломея (Ремова)» // Альфа и Омега. 1966. №2 (9/10).

Сам факт участия в начальных «экуменических» контактах Братства святителя Фотия, члены которого избрали своим небесным покровителем Константинопольского патриарха, известного как ревнитель Православия (добавим: и как незаурядный учёный и ревностный собиратель книжной мудрости), свидетельствует о многом. Глубокое упование православных эмигрантов, верящих в то, что их изгнание промыслительно, что они призваны возродить на Западе издревле присущее ему Православие, вызывает глубокое уважение. В этом контексте образование франкоязычного прихода – не более (но и не менее), чем естественный и разумный шаг.

Однако нельзя согласиться с тезисом отца Льва о «создании западного стиля Православия на основе местных традиций». На наш взгляд, такое воззрение в слишком сильной степени обусловлено духом времени, духом гигантских сдвигов в истории человечества: неслыханная доселе по масштабам война, кровавые результаты которой,

**Перевод выполнен по изданию: Mensuel SOP (Service Orthodoxe de Presse) Supplement #237. Avril 1999? С небольшими сокращениями. – Пер.*

¹Архимандрит Лев Жилле хорошо известен русскому православному читателю, большей частью под псевдонимом Монах Восточной Церкви, поэтому укажем лишь его публикации в нашем журнале: Архимандрит Лев (Жиле). Две проповеди // Альфа и Омега. 1995. №1(8); см. также Митрополит Антоний Сурожский. Проповедь на погребение архимандрита Льва. // Там же. – Ред.

наверное, превосходят средневековые боины, мощная волна социальных выступлений, нашедшая своё крайнее выражение в октябрьском перевороте в России и в последовавшей за ним волне насилий, возведенных в государственную политику... Можно предположить, что эти грозные события вызвали желание противопоставить им действия столь же энергичные, но направленные на созидание; вот, например, создать новый стиль Православия.

Правда, из текста не очень понятно, о стиле чего идёт речь; скорее всего – о некоторых особенностях богослужебного обихода, то есть о вещах, обычно в той или иной степени обусловленных народной культурой. Но именно такие вещи нельзя искусственно конструировать, они должны развиваться изнутри церковной жизни, медленно и постепенно; в общем, они должны исходить из глубины веры церковного народа и им приниматься. Индивидуальную деятельность такого рода Церковь признаёт, – но только тогда, когда она ведётся не по намеченному плану, вливающемуся в историческую тенденцию, а по благодати Духа, потому что в таком случае эта деятельность принимается соборным сознанием Церкви.

Примеров тому множество: в сущности, весь обиход нашего богослужения – результат усилий людей, действовавших по благодати.

То же самое можно вкратце сказать и о результатах экуменических интересов православных 20 – 30-х годов: намерения были хорошие, да не было на то воли Божьей. Это не значит, что Запад обречён оставаться неправославным, хотя бы потому, что уже сейчас видно, что это не так, – это значит, что Господь ведёт свою Церковь путями, которые ведомы лишь Ему.

Духовное событие

Более 70 лет назад, в конце 1928 – начале 1929 года, в Париже родился первый франкоязычный православный приход. Он действительно «родился», а не «был создан»; ведь решение о его создании принималось в ноябре 1927 на полуофициальном собрании в Православном свято-Сергиевском богословском институте.

Эта идея несколько месяцев витала в воздухе в узком кругу энтузиастов, но в действительность она воплотилась только в январе 1929, когда горсточка «русских мальчиков»¹ (среди которых было и несколько девушек), объединившись вокруг иеромонаха-француза, отца Льва Жиле, начала регулярные богослужения на французском языке.

Рождение этого скромного прихода осталось тогда незамеченным; вначале он насчитывал не более 20 – 30 прихожан, позднее их, возможно, собралось до сотни. Тем не менее, с духовной точки зрения это было важное событие: пусть и смутное, перемешанное с романтическими представлениями, но осознание русскими юношами промыслительности тех событий, которые занесли на чужбину. Это был выход из культурного гетто, в котором так охотно затворяется русская эмиграция. Господь призывал их быть свидетелями Православия на Западе и прежде всего в древней христианской Франции; свидетелями абсолютно вселенского Православия, католической полноты, единой в разнообразии личностей и культур.

И с этой точки зрения, в связи с духовной значимостью этого понимания вселенской Церкви, – единой, святой, соборной и апостольской Церкви, которую мы исповедуем, – я предлагаю вспомнить об этом скромном событии прошлого, которое мы должны принимать с его светом и тенью, его богатствами и недостатками, чтобы, рассмотрев его, быстро двигаться дальше.

¹*Русские мальчики – слова Достоевского, повторенные в поэзии «серебряного века и широко цитировавшиеся в культуре эмиграции 20-х годов; речь идёт о мужестве русской молодёжи и о бескомпромиссных жертвенных поисках истины. – Ред.*

Исторический контекст

Исторический контекст – русская эмиграция во Франции в 20-е и 30-е годы, – позволяет оценить всю смелость проекта создания французского православного прихода. По политическим, экономическим и культурным причинам Франция стала тогда одной из главных стран, принявших эмиграцию после русской революции 1917 года и разгрома белой армии.

В поиске работы русские эмигранты скоро покидают Лазурный берег, дорогой бывшим высшим классам общества, где они было собрались, и отправляются в промышленные области Франции и прежде всего в Париж, культурные сокровища которого привлекают интеллигенцию и художников.

После Праги, после Белграда и Берлина в течение 20-х и 30-х годов Париж постепенно становится духовной столицей безземельного народа. Избранный Всероссийским собором 1917 года Патриарх Тихон назначает в Париж митрополита Евлогия. Бывшая церковь при посольстве, храм Александра Невского, становится кафедральным собором. Религиозная

жизнь русской эмиграции – особо интенсивная. Для эмигрантов, в основном православных, Церковь – остаток потерянного, рухнувшего мира: она выдержала это крушение. Будучи иногда использована как политический инструмент, она для беженцев прежде всего – источник сил, необходимых, чтобы пережить особо тяжёлые условия и сохранить свою духовную идентичность. Благодаря усилиям верных православных, в разных кварталах Парижа и в пригороде открываются новые приходы. Естественно богослужения совершаются на знакомом, любимом, красивом литургическом славянском языке, даже если не все его полностью понимают. В храме эмигранты чувствуют себя хорошо, если солидарны в сохранении верности Традиции. Однако от такой склонности к закрытости сильно отличается тенденция к диалогу, нарождающаяся среди самых престижных мыслителей русской эмиграции.

В 1925 году открывается Свято-Сергиевский Богословский институт, первое и единственное православное богословское учреждение в Западной Европе. Экуменическая помощь протестантских и англиканских благотворителей во многом позволила осуществить покупку помещения. Открытие Института привлекает в Париж многих выдающихся русских богословов, среди которых были и «авангардисты», как отец Сергей Булгаков, бывший марксист, вернувшийся у церкви своего крещения во времена русского религиозного возрождения начала XX века, одним из главных представителей которого он стал. В Париже начинается самый плодотворный период его жизни. Глубоко укоренённый в почве православной веры, он стремится к восстановлению христианского единства. В 1927 году, вместе с представителем Патриархата митрополитом Германом Фиатирским, он представляет православное богословие на первом собрании ассамблеи «Вера и Конституция», которая послужила основанием будущего Всемирного совета Церквей.

Вокруг Свято-Сергиевского института зарождаются очаги философских и богословских исследований, иногда не вполне согласующихся с основными направлениями; среди таких кружков было Общество религиозной философии, созданное Николаем Бердяевым. Он, как и Булгаков, сочетал в себе глубокую верность Русской Православной Церкви и готовность к диалогу с инославными, но гораздо лучше владел французским языком. Не принимая томизма, Бердяев, однако, был близким другом католического философа Жака Маритена. Вместе с Эммануэлем Мунье он участвует в создании журнала христианского персонализма «Эспри».

Среди великих русских эмигрантов по уровню образованности и по направлению интересов, принадлежащих к европейской культуре, следует также упомянуть священника Василия Зеньковского, историка Георгия Федотова, Льва Зандера, ученика отца Сергия Булгакова; в Германии – С. Л. Франка; наконец, нескольких женщин, среди которых – Мира Лот-Бородина и мать Мария Скобцова. Постепенно формируется новое поколение интеллигенции с новой ментальностью. Это поколение иногда критически настроено по отношению к тем «отцам», которые были его учителями; оно окормляется в молодёжных движениях русской эмиграции. Русское студенческое христианское движение (РСХД) – самое из них крупное и по членству, и по духовному значению. Оно стремится к «воцерковлению жизни», отказывается от мёртвого ритуализма; речь идёт о целостном преображении человеческого существования и культуры светом Христа. РСХД считает одной из своих главных задач передачу духовных сокровищ русской христианской традиции. В то же время Движение контактирует с Всемирной федерацией студенческих христианских ассоциаций, организаций протестантского происхождения и пытается налаживать контакты между русскими православными студентами и молодыми западными христианами.

Братство святителя Фотия, напротив – есть намного более замкнутая, на грани эзотеризма. Его молодые основатели исходят из образца средневековых рыцарских орденов. Вступление в Братство осуществляется путём церемонии, пободной рыцарскому посвящению. Выбор покровителя Братства, Константинопольского патриарха IX века, противника введения *филиокве* в Символ веры – сам по себе уже программа. Под омофором святителя Фотия русская молодёжь стремится к «чистоте» Православия; однако она парадоксальным образом

демонстрирует любовь к Западу. В энергичной динамике Запада они чувствуют тайну поиска Грааля, поиска православной духовной правоты. Следует раскрывать Западу Православие – сокровище, спрятанное на собственном поле, а не чужую, не экзотическую религию. Поэтому Братство взялось за усердные и подробные исследования древних традиций христианской Франции времён неразделённой Церкви. Целью было возрождение западного Православия и в дальнейшей перспективе – восстановление церковного единства. В этом деле создание франкоязычного православного прихода стало первым этапом, и Братство с энтузиазмом участвует в реализации проекта.

Харизматическими руководителями Братства стали Евграф Ковалевский и его брат Максим, математик и талантливый музыкант. Братья Ковалевские родились в Санкт-Петербурге, в украинской дворянской семье; они были представителями русской интеллигенции, европейской по культуре и особо связанной с Францией. Одарённый и глубоко верующий мальчик Евграф пережил катастрофу революции и изгнание как наказание Божье. В 1920 году, во время долгого переезда во Францию, он оставляет записку в русском храме Стамбула, в которой говорится, что Господь допустил революцию, чтобы очистилась Церковь и Православие распространилось по всему миру. Это видение – основная интуиция судьбы и действий Ковалевского. В 1925 году Евграф Ковалевский, его братья Максим и Пётр с несколькими друзьями основывают Братство святителя Фотия. Они приглашают Владимира Лосского; сын известного философа Лосский так же, как братья Ковалевские, увлекается средневековьем и пишет научную работу о великом немецком мистике Мейстере Экхарт.

В том же 1925 году Евграф Ковалевский поступает в Свято-Сергиевский Богословский институт. Он знакомится с Павлом Евдокимовым; их характеры сильно различаются, и они никогда не смогут понять друг друга. Однако общее призвание – свидетельство о Православии на Западе – создало мотив для их временного сотрудничества. Евдокимов контактирует с руководителями Всемирной федерации студенческих христианских ассоциаций (УМСА). В 1927 году он женится на протестантке Наташе Брюнель, которая вскоре переходит в Православие. Думая о своих будущих детях, Евдокимов представляет себе Братство как платформу экуменического диалога и интересуется проектом создания франкоязычного прихода. Вместе с Ковалевским он убеждает в этом отца Сергия Булгакова и его ученика профессора Льва Зандера.

После некоторых сомнений митрополит Евлогий становится сторонником этого проекта, вероятно, под влиянием Евграфа Ковалевского, отец которого был одним из его советников. Отдавая себе отчёт в том, что некоторые дети, особенно из русско-французских семей, не понимают русского языка, Владыка убеждается в том, что богослужения на французском языке позволили бы сохранить православную веру у этих молодых русских вне родины. Проект франкоязычного прихода таким образом затрагивал и пастырские, и экклезиологические, и экуменистические (в самом широком понимании этого слова) вопросы.

В ноябре месяце 1927 года совершается первая литургия на французском языке в храме Свято-Сергиевского института и избирается приходской совет. Но продолжения это не имело: отец Александр Дебнер, которому митрополит Евлогий доверял устройство нового прихода, внезапно исчез. Позже оказалось, что он поехал в Рим к монсеньору д'Эрбиньи, ответственному за двусмысленную политику Ватикана в Советском Союзе. Предательство Дебнера могло бы оказаться концом проекта, но его спас приход в сферу парижского Православия отца Льва Жиле.

Достижения

Я уже упоминала о судьбе этого выдающегося священника, настоящего богослова. Его духовные книги, изданные под именем Монаха Восточной Церкви, дошли до тысяч читателей, выйдя за пределы церковной ограды.

Происходя из традиционной буржуазной католической семьи, молодой Луи Желе увлекается великой русской литературой: он читает Достоевского, но прежде всего интересуется трудами Л. Н. Толстого. Сочувственное отношение аристократа к бедным привлекает молодого буржуа. В ходе первой мировой войны он попал в плен и оказался в лагере вместе с русскими пленными. Общась с ними, он совершенствует свои студенческие знания русского языка.

После войны он поступает в монастырь бенедиктинского ордена, но у него останется некая тоска по «русской душе». В Риме, куда его отправили пополнять богословское образование, он общается с католиками-унионистами, которые замышляют возвращение под юрисдикцию Рима Русской Церкви, лишённой поддержки государства и гонимой советским режимом. В традиции великого русского философа Владимира Соловьёва он стремится к примирению Церквей-сестёр.

В конце 1924 года, по приглашению известного украинского митрополита Андрея Шептицкого, который разделяет эту надежду. Луи Жиле едет в восточную Галицию, во Львов. От униатского митрополита он принимает постриг. Впоследствии отец Лев отдаст себе отчёт в бесперспективности католического униатства. После тяжёлого духовного кризиса он принимает решение присоединиться к Православной Церкви.

Опубликование Папой Пием XI энциклики *Mortalium Animos* в январе 1928 стало для него шоком, способствовавшим разрешению ситуации. Будучи ответом на приглашение участвовать в собрании ассамблеи «Веры и конституции» в июне 1927 года в Лозанне и отзываясь на зарождение экуменического движения, энциклика осуждает «панхристианство» и призывает «схизматическую» Православную Церковь вернуться в лоно Римской католической Церкви, где папа её доброжелательно примет.

Гордой позиции папы Лев Жилле противопоставляет широкое видение утраченного христианского единства представителями Православной Церкви. В Лозанне, исповедуя веру неразделённой Церкви перед протестантами и англиканами, отец Сергей Булгаков объявил себя солидарным с теми, кто ищет пути восстановления церковного единства. Подобная позиция, подразумевающая упование на помощь Святого Духа, соответствует, как считает отец Лев, гефсиманской молитве Христа. Напротив, папское видение происходит от римской еkkлезиологии, которую он после долгого внутреннего пути больше не может принимать.

В 1928 году отец Лев принимает мучительное, но спасительное для него решение: он просит Православную Церковь, наследницу единой святой Церкви, его принять. В июне 1928 года Лев Жилле поступает в Свято-Сергиевский институт и присоединяется к Православной Церкви на литургии присутствия митрополита Евлогия. Место этого исторического момента – маленькая православная часовня парижского пригорода. Конференция РСХД, в которой участвовал отец Лев Жилле в июле месяце, показалась ему событием наподобие Пятидесятницы, настоящим сошествием Святого Духа со слезами и радостью. В течение конференции две протестантки, в том числе и жена Павла Евдокимова, принимают Православие чином миропомазания.

В это время отец Ле Жилле знакомится с Евграфом Ковалевским, в котором он почувствовал и полюбил евангельского «богатого юношу». Через Ковалевского он знакомится с Владимиром Лосским; они рассказывают отцу Льву о неудачи с созданием франкоязычного прихода и умоляют священника о помощи. Но отец Лев сомневается, он – противник всякого прозелитизма, явного или скрытого, с которым ознакомился в католической среде. В то же время его привлекает идея смиренного, но убеждённого православного свидетельства на Западе. Отцу Льву нравится и щедрость своих новых друзей, и он чувствует, что призван выявить в романтических представлениях сущность, – точное церковное видение западного Православия, появление которого, как кажется, обусловлено историческими обстоятельствами.

В ноябре 1928 года, вероятно, ответом на смиренное прошение Братства Фотия, написанное при поддержке отца Сергея Булгакова и профессора Льва Зандера, митрополит Евлогий назначает иеромонаха Льва Жилле настоятелем нового прихода. Отец Лев, которому

присущ дух послушания, но в то же время и внутренняя свобода, не отказывается. Его новая община выбирает для себя небесной покровительницей святую Геновефу Парижскую и духовно обращается к тайне Преображения Христова. За несколько недель отец Лев и его юные друзья выполняют немереную работу: проверяют существующие переводы литургических текстов, организуют франкоязычный хор, адаптируют славянские мелодии к французским текстам; это великолепная работа Максима Ковалевского используется и до сих пор.

Пришлось также искать место для богослужений. Из-за разных причин, отчасти уважительных, русский собор на Рю Дарю отказывается предоставить место. Первые богослужения совершаются в центральном офисе РСХД (бульвар Монпарнас, дом 10). Затем, благодаря контактам Павла Евдокимова с протестантами, франкоязычный православный приход размещается в зале для собраний при лютеранском приходе Пресвятой Троицы в 13-м округе Парижа.

Настоятелю следовало разъяснить цель и смысл создания нового церковного явления, и в первом номере приходского бюллетеня «Путь» отец Лев публикует свою статью. За вычетом некоторых моментов, относившихся к историческому контексту, этот маленький манифест западного Православия остаётся весьма актуален, и его стоит здесь привести¹. Текст подчёркивает соответствие нового прихода подлинно православной эkkлeзиологии. Он вдохновлён тем же Евангельским духом, который характерен для всей жизни и трудов монаха *Восточной Церкви*.

«С тех пор в Париже существует франкоязычный приход. Для того, чтобы разъяснить наши идеи, чтобы избежать всевозможных недоразумений и неясностей, нам, членам этого прихода. Необходимо уточнить, кто мы и каковы наши цели.

Мы, во-первых, не являемся новой религиозной структурой; мы – не секта. Мы – ветвь соборной апостольской Православной Восточной Церкви, которая по непрерывной линии происходит от апостолов Христа. Мы – не группировка, отделившаяся от одной из христианских конфессий, которые сосуществуют во Франции. Чада Православной Церкви либо по рождению, либо по личному выбору, мы получили от неё благословение собраться для создания местной общины. Вселенская Православная Церковь считает необходимым, чтобы каждая из Церквей-сестёр жила своей собственной жизнью, со своим языком и своими традициями. Поэтому и православное священноначалие поддерживало и благословило создание особой церковной группы французских православных.

¹Далее текст о. Льва Жилле приводится автором с некоторыми сокращениями. – Пер.

Изначала наша община поставила себе задачу создать возможность для окормления русских эмигрантов, ставших французами по языку и гражданству. Надо было также помочь духовно нескольким французам, которые исповедуют православную веру в силу семейных связей с Россией или благодаря свободному выбору. Так и создался наш приход. Он не входит в состав приходов русской Церкви; мы действуем в рамках юрисдикции митрополита русских православных приходов Западной Европы, и наше каноническое существование зависит от него. Но мы зависим от Его Преосвященства митрополита Евлогия не в его качестве главы русских православных приходов Западной Европы, а потому что он – ближайший от нашего новорожденного прихода епископ. Возможно и даже нормально, что французское Православие станет автокефальным, когда достигнет определённой стадии развития. И поскольку Православие – явление не византийское или славянское, а вселенское, западным христианам следует создавать именно западный стиль Православия на основании местных традиций. Следовательно, западное Православие должно отличаться от восточного.

Мы – православные; это означает, что мы исповедуем христианскую веру так, как она выражается в апостольских и святоотеческих текстах, в Символе веры и деяниях Вселенских соборов, в аскетической и литургической традиции древней неразделённой Церкви. Далёкая как от авторитаризма, так и от индивидуализма, Православная Церковь – Церковь традиции и

свободы; но прежде всего она – Церковь любви. Её опора – не внешняя власть, не отдельные усилия, направленные на сохранение единства членов Тела Христа и на их оживотворение, а Божественная благодать и братская любовь. Наши религиозные усилия не направлены против других христианских Церквей; мы не занимаемся прозелитизмом. Мы уважаем и любим всех наших братьев во Христе. Мы не готовимся к борьбе или к конкуренции, а изо всех наших сил призываем всех сотрудничать везде, где это только возможно. Мы сожалеем о том, что единство христиан разрушено, и усердно молимся о его скором восстановлении.

Французы по национальности или по языку, мы чувствуем себя наследниками древней православной традиции Франции, – *христианнейшей* Франции тех веков, когда Восток и Запад ещё не отделились друг от друга. Мы обращаемся к священномученику Иринею, который был связующим звеном между Западом и Востоком, к мученикам Лиона и Вьенны, к святителям Дионисию Парижскому и Мартину Турскому, к святой Геновефе. Но в то же время и святой король Людовик, и Жанна д'Арк, и Паскаль нам отнюдь не чужды. Мы признаём всё то, что французское сердце и французский ум создают сегодня хорошего и великого, желая всё это посвятить Христу и воцерковать.

Наша религиозная деятельность не ограничивается одной страной; ведь французское Православие в силах предложить общий язык для разных этнических групп православных Франции, – таким образом оно может работать на соборность и вселенскость, к которым стремится сегодня столько христианских душ.

«Зерно горчичное меньше все семян, – говорит Евангелие, – но становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф 13:32). Сподобит ли Господь созреть нашему горчичному зерну? – мы этого не знаем, но знаем, но знаем, что должны трудиться, чтобы стать достойными этого созревания. Не сопротивляясь и без тщеславия, мы должны в смирении и милосердии искать Царства Божьего, стремиться к тому, чтобы слово *Православие* стало для тех, кто его услышит, синонимом веры во Христа и жизни во Христе».

Этот пророческий, но и трезвый, взвешенный текст поражает своей ясностью и глубиной еkkлeзиологии, выраженной по поводу скромного на первый взгляд события.

Молодой франкоязычный приход собирает цвет юных, разнообразных по талантам и одарённости богословов. Но эти благодатные времена, столь же блестящие, сколь и сложные, вскоре закончились.

Первый кризис

В 1931 году, чтобы избежать возможного запрета в качестве епископа бедной, но свободной Православной Церкви, митрополит Евлогий решает перейти во Вселенский Патриархат, данное решение, хотя и спорное с канонической точки зрения, гарантирует свободу и единство для православного стада, несмотря на некоторые протесты, выразившиеся в уходе. Верные канонам и гонимой Матери-Церкви. Евграф и Максим Ковалевские, Владимир Лосский, большинство членов Братства святителя Фотия и нескольких других верных решают остаться в юрисдикции Московского Патриархата. Отец Лев Жилле с франкоязычным приходом следует за митрополитом Евлогием, от которого он канонически зависит, и таким образом лишается значительной части своих активных прихожан. Все стараются поддерживать личные дружеские отношения, но в сложном церковном контексте всякое сотрудничество на уровне межюрисдикционном становится уже невозможным.

Приход тем не менее выдерживает это отторжение. Будущий настоятель православного прихода Монтобан, отец Леонид Хрол становится преданным сотрудником отца Льва. Маргарита Загоровская, француженка и супруга будущего старосты собора святого благоверного князя Александра Невского, помогает малоимущим прихожанам, – выполняет социальную диаконию. Приход выделяется теплотой своей молитвенной атмосферы; вдохновенные проповеди отца Льва привлекают интеллигентных молодых людей, ищущих духовности. В приходе собираются писательница Надежда Городецкая, руководители

литературного кружка «Русско-французская студия» Всеволод де Фохт И Марсель Пеги, сын поэта Шарля Пеги; протестантские студенты, среди них – будущий отец Луи Булье, активный сторонник богословского диалога между католиками и православными после Второй мировой войны, Валентин де Бахст, лютеранин из Прибалтики по происхождению, который станет православным священником и странствующим окормителем православных приходов, разбросанных по Франции.

Конец

В 1938 году отец Лев Жилле по благословению митрополита Евлогия переезжает в Лондон, чтобы сотрудничать с благотворительной ассоциацией в помощь еврейским беженцам, жертвам преследований в Германии и в Австрии. Вторая мировая война окончательно отделяет его от франкоязычного прихода, духовником которого он тем не менее остаётся. Со смертью отца Георгия Жуанни, приемника отца Льва, летом 1940 года исчезает и сам приход. Занятый другими вопросами митрополит Евлогий не стал назначать нового настоятеля, и искра франкоязычного Православия сохранилась лишь в маленьком приходе Московского Патриархата, созданном Владимиром и Магдалиной Лосскими в Латинском квартале, В епархии митрополита Евлогия франкоязычный приход возродился только спустя 25 лет усилиями нового поколения.

Действительно ли было неудачей раннее создание первого франкоязычного прихода, произошедшее по воле человеческой, лишённое социальных перспектив? Я убеждена в том, что такое мнение было бы неправильным: благодаря ему, зародилась идея, было посеяно зерно, которое проросло позже и, хотя подчас и вместе с тернием, выдёргивая которое, нам надо стараться не вырвать заодно пшеницу. Так же, как и делал это отец Лев Жилле, – без романтизма, без юношеского пафоса и самоуверенности, нам теперь следует принять в наследство и реализовать правильную и глубокую интуицию молодых основателей 1920 – 1930-х годов, их видение открытого и динамичного Православия Церкви, контакты братских Церквей при сохранении каждой из них своего собственного лица, сформированного историей, с отпечатком той культурной почвы, в которую упало зерно Евангелия; видение вселенской Церкви, проходящей над всеми этническими национальными границами, – видение Церкви *кафолической*.

Из краткого манифеста 1928 года, этого синтеза кипящих идей, запомним призыв к созданию или к восстановлению *западного Православия*. Речь идёт не об археологическом восстановлении, а о возвращении к истокам, не о прозелитизме, а о свидетельстве. Это был призыв к новой солидарности Запада и Востока посредством интеграции их духовных взаимодополняющих богатств, к необходимости общих усилий для адекватного ответа современному миру. Да ведёт нас Святой Дух на этом пути!

*Перевод с французского К. Жуньеви
под редакцией М. Журинской*